

источником серьезных осложнений и даже бедствий для азиатских развивающихся стран. Но из этого, как считают их прогрессивно настроенные, трезво мыслящие круги, отнюдь не вытекает необходимость отказаться от производства и вывоза сырьевых товаров. Неизмеримо более реалистическим является иной подход, а именно: максимально возможное использование молодыми государствами всех доступных им преимуществ сложившегося международного разделения труда в сочетании с диверсификацией экономического развития и структуры экспорта. К решению именно такой комплексной задачи стремятся многие молодые государства Азии.

На этом пути они сталкиваются прежде всего с давно назревшей необходимостью прекращения хищнической эксплуатации их сырьевых ресурсов империалистическими монополиями. Недаром связанная с этим деятельность международных корпораций была названа «чересчур активной» в выступлениях участников недавней 30-й сессии Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и района Тихого океана. На VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители ряда азиатских государств предложили обеспечить ликвидацию концессионной системы разработки природных ресурсов, посредством которой иностранные компании грабят страны «третьего мира». Именно под влиянием таких выступлений сессия в принятых документах высказалась за установление эффективного контроля самих развивающихся стран над природными ресурсами и их эксплуатацией любыми средствами, включая национализацию. Все это означает, что азиатские и другие развивающиеся страны более решительно, чем когда-либо прежде, развертывают борьбу за осуществление национального суверенитета над своими сырьевыми ресурсами.

В этой нелегкой борьбе у азиатских государств немало достижений. В Бирме, Индии, Индонезии удалось, хотя и в разной степени, потеснить международные тресты в эксплуатации нефтяных ресурсов. В ряде стран (Шри Ланка, Индия) намечены или осуществляются меры по отстранению иностранного капитала от производства и вывоза такой важной экспортной культуры, как чай. По сообщениям печати, за усиление правительственного контроля над деятельностью международных монополий недавно высказался министр горнодобывающей промышленности Индонезии М. Садли.

Все более активизируются азиатские развивающиеся страны в

сфере международных экономических отношений, добиваясь устранения пережитков колониализма и всех видов неравноправия, скользящих их экспортную торговлю как сырьем, так и другими товарами, в том числе изделиями создаваемой национальной промышленности. На это нацелены мероприятия по стимулированию экспорта, диверсификации его структуры, усилению в этой сфере хозяйственно-организаторской роли государства. Индия все увереннее осуществляет государственное вмешательство и контроль во внешней торговле, внедряет в этой области элементы планирования, укрепляет свой экспорт за счет расширяющегося вывоза промышленной продукции, вплоть до станков, металлов, оборудования. Меры по установлению государственной монополии внешней торговли принимаются в Афганистане. Правительство Малайзии недавно создало специальную корпорацию для поощрения экспорта, в том числе за счет вывоза ряда новых товаров. Такого рода прогрессивные мероприятия сочетаются с усилиями азиатских государств добиться преодоления и ликвидации барьеров, всевозможных дискриминационных ограничений и преград на пути экспорта их сырьевых и других товаров на мировые капиталистические рынки.

Важнейшим направлением борьбы азиатских и других развивающихся стран за свои права в международных экономических отношениях являются их усилия по установлению справедливых цен на экспортируемые ими товары, прежде всего сырье. Выступая на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Индии Сваран Сингх указал на необходимость правильного соотношения цен в торговле сырьем и готовыми изделиями. В меморандуме, представленном этой сессии Организацией солидарности народов Азии и Африки, подчеркивается, что ни при каких обстоятельствах иностранным монополиям и многонациональным корпорациям нельзя позволять диктовать свои условия развивающимся странам.

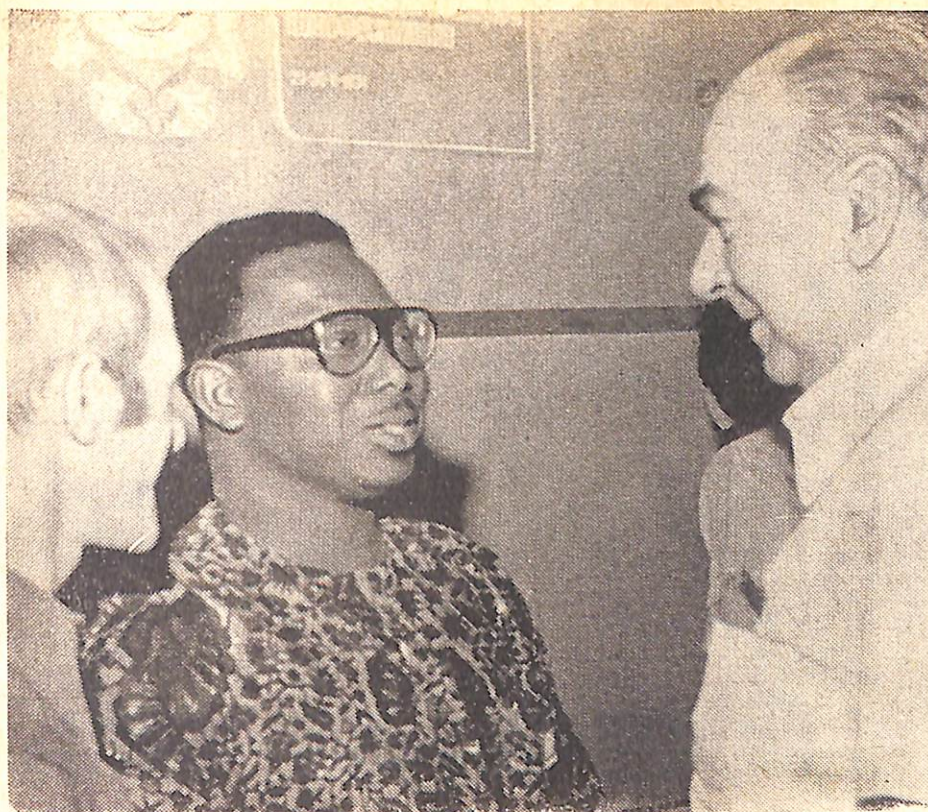
Разумеется, борьба молодых государств за справедливые цены на свои сырьевые и другие товары, против диктата и произвола империалистов не может быть простой и легкой. Тем не менее недавний успех стран — производителей нефти, в том числе некоторых азиатских, отстоявших, несмотря на бешеный натиск западных трестов, свое законное право определять цены на нефть, вселяет надежду, что азиатским государствам вместе с другими странами «третьего

мира» удастся добиваться справедливых цен и на другие товары своего экспорта, избавляться от их колебаний, вызываемых стихией мирового капиталистического рынка и политикой монополий.

В напряженной и многообразной борьбе, которую ведут молодые государства Азии за решение проблем, связанных с сырьем, у них есть надежная опора — дружественное экономическое сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами. Техничко-экономическое содействие социалистического содружества помогает им осваивать природные ресурсы, преодолевать экономическую отсталость, осуществлять на основе индустриализации последовательную диверсификацию экспорта, дополнять вывоз сырья другими товарами, в том числе готовыми изделиями. Об этом особенно наглядно свидетельствует опыт сотрудничества СССР с Индией, Бирмой, Пакистаном, Республикой Шри Ланка и другими азиатскими государствами.

Советский Союз — надежный партнер для равноправной и взаимовыгодной торговли. За последние десять лет товарооборот СССР только с Индией вырос в 300 раз. Наша страна ведет ныне торговлю более чем с 20 азиатскими развивающимися государствами, поставляя им оборудование, машины и другие необходимые товары, приобретая у них как традиционные сырьевые товары, так и готовую промышленную продукцию. Влиятельный индийский журнал «Истерн экономист» отмечает, что молодые государства обрели устойчивый, надежный рынок в социалистических странах. В азиатских государствах благоприятно воспринято сделанное в 1972 году заявление СССР о конкретной программе закупок в развивающихся странах сырьевых товаров и готовых изделий. Как вновь продемонстрировала VI специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, Советский Союз и все страны социалистического содружества — решительные поборники полного равноправия молодых государств в международных экономических отношениях, их активного участия в совершенствовании международного разделения труда, механизма хозяйственных связей.

Крепнущее единение мирового социалистического содружества и молодых развивающихся государств создает все более благоприятные перспективы для решения сложных проблем, связанных с сырьем, укрепления национальной экономики азиатских стран «третьего мира», их позиций в международных экономических отношениях.



Ив Дьян — сенегальский кинорежиссер, генеральный директор Национальной ассоциации Сенегала по экспорту и импорту фильмов и Ю. Орлов — заместитель председателя «Совэкспортфильма».

Фото автора

МОЛОДОЕ КИНОИСКУССТВО АФРИКИ

А. ГУСЕЙНОВ

Кандидат исторических наук

СЕНЕГАЛЬСКИЙ кинорежиссер Полен Визэра как-то сказал: «Чтобы посмотреть африканские фильмы, нужно ехать в Ташкент или Париж, в Москву или в Лос-Анджелес. Парадоксально, но картины Ганы и Сомали я впервые увидел на I Международном кинофестивале стран Азии и Африки в Ташкенте. Там же я познакомился с их авторами. Мы не знаем даже фильмов наших соседей. Отличную картину «Солнце О» Меда Хондо я увидел опять-таки в Ташкенте, хотя Мавритания находится рядом с Сенегалом».

Кинофестивали стран Азии и Африки в Ташкенте стали уже доброй традицией. Их цели, задачи, интернациональный характер отчетливо выражены в постоянном девизе встреч кинематографистов

в столице Узбекистана: «За мир, социальный прогресс и свободу народов!».

Состоявшийся полгода назад III Ташкентский кинофестиваль показал, что за последние годы в ряд с мастерами экрана азиатских стран по достоинству становятся кинематографисты африканского континента, где кино — и воспитатель, и просветитель, и, наряду с радио, источник информации.

Как известно, кинематограф в этом районе мира появился в конце 50-х — начале 60-х годов, когда на карте континента стали возникать независимые государства. До этого историю кино Черной Африки, как писал известный прогрессивный кинокритик Жорж Садуль, можно изложить в трех словах: его не было.

Первые — созданные на Западе — киноленты о Тропической Африке появились еще в начале нашего века. Их главной темой было оправдание колониального господства империалистов, утверждение, что жизнь африканцев невозможна без опеки и помощи цивилизованных европейцев. Чаще всего нищета и отсталость народных масс, преступления колонизаторов не находили отражения в этих фильмах. В них на фоне экзотической природы Африки кадр за кадром показывалось, как белые врачи спасали жизнь туземцам, миссионеры несли цивилизацию и обращали аборигенов в христианство. На экране вместо традиций, нравов, быта и культуры африканского народа, зрители видели дикарей, неистово пляшущих вокруг костров («Копи царя Соломона», «Люди двух миров», «Мау-Мау»).

Правда, наряду с такими фильмами прогрессивными мастерами кино Запада были сняты киноленты, в которых делались попытки отобразить африканскую действительность такой, какая она есть. Из этих фильмов, названия которых уже стали хрестоматийными, особенно выделялась работа американского режиссера Лайонела Рогозина «Вернись, Африка!», посвященная освободительной борьбе

бе африканских народов. Этот фильм — правдивое разоблачение колониальной эксплуатации.

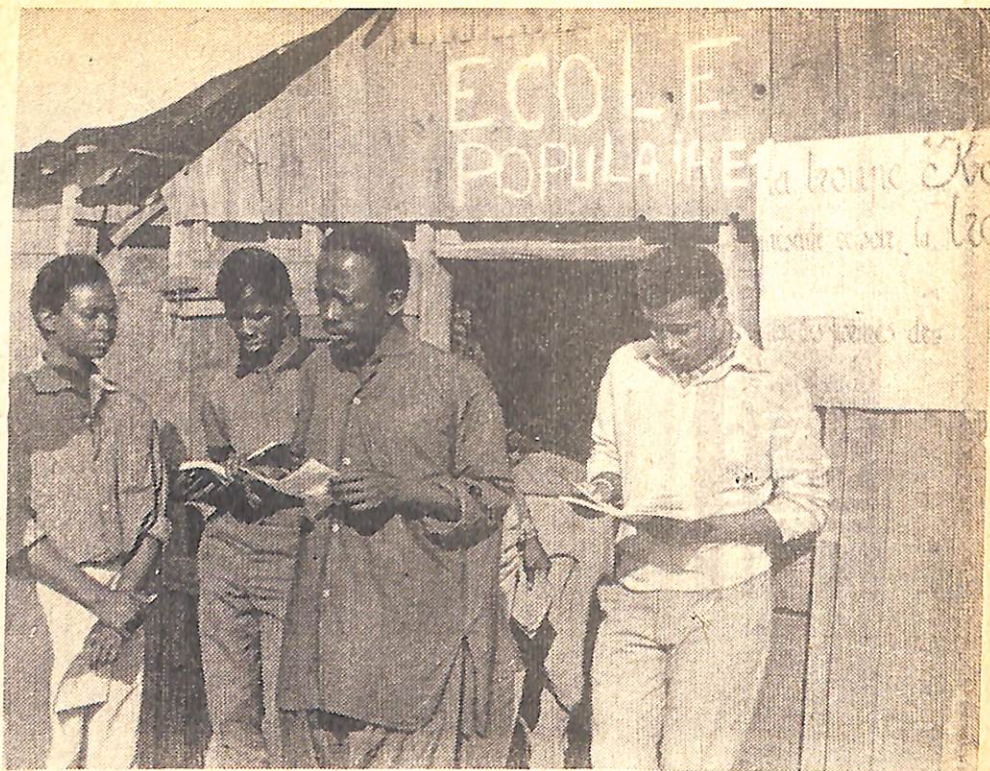
В 60-е годы первые художественные киноленты сделали Умар Ганда — «Кабаскабо» (Нигер), Коста Н'Диань — «Вчера, сегодня, завтра» (Гвинея), Уфигал Алат и Абайес Карбо — «Свобода» (Гана, Нигерия), Мед Хондо — «Солнце О» (Мавритания). Свой первый художественный фильм «Черный Прометей» поставили кинематографисты Берега Слоновой Кости. Все эти ленты посвящены волнующим проблемам сегодняшней Африки. Огромный интерес вызвал у зрителей фильм Идриса Хасана Идриса «Долг и желание» (Сомали). В основу сюжета положена история сомалийского юноши, который становится руководителем партии бурильщиков, добывающей воду для кочевников, принимает активное участие в общественной и политической жизни республики. На премьере фильма присутствовал президент Верховного революционного совета Сомали Мохамед Сиад Барре, который поздравил создателей первой отечественной полнометражной киноленты.

На III Ташкентском фестивале стран Азии и Африки был показан первый цветной полнометражный художественный фильм Народной Республики Конго «Свадебный выкуп», снятый в 1973 году.

Сюжет фильма, поставленного режиссером Себастьяном Камба по роману Жана Малонга «Легенда Мпфуму Ма Мазано», основан на столкновении древних обычаев и современных. В фильме звучат мотивы обновления, в нем — жажда прогресса, стремление к свободе.

На Ташкентском кинофестивале этого года африканские кинематографисты показали еще три полнометражных художественных фильма — «Бронзовый браслет» и «Каду» (Сенегал), «Когда молчит там-там» (Габон) и свыше десяти короткометражных кинолент, которые затрагивают важные социальные проблемы. Это бесспорное свидетельство значительного успеха кинематографистов.

Традиционными для кино Тропической Африки стали фильмы-репортажи о социальной, политической и экономической жизни африканцев. Крупнейшим мастером и создателем этого жанра в африканском кино стал сенегалец Полен Визйра. Его фильмы «Нигерия сегодня», «Независимость Того», «Независимость Конго», «Независимость Камеруна» завоевали большую популярность у зрителей. Крупным произведением из серии фильмов-репортажей является полнометражная картина



Кадр из фильма «Черная из...». На переднем плане — Сембен Усман.

гвинейца Секу Умара Барри «И пришла свобода...». В этом фильме ненавязчиво, с большим мастерством показана история гвинейского народа, его борьба за независимость и строительство новой жизни. В киноленту вмонтированы документальные кадры, запечатлевшие предвыборную кампанию 1958 года в Гвинее и победу на этих выборах Демократической партии, провозглашение Гвинеи независимой республикой. Эти сцены свидетельствуют о зрелой работе и таланте режиссера. Фильм позволяет зрителю побывать во всех уголках Гвинеи, на новых фабриках и заводах, являющихся гордостью гвинейцев.

Успехи африканского кино на фестивалях — это плоды упорной борьбы со множеством трудностей, возникающих на пути развития молодого искусства. Взять хотя бы финансовую сторону. Только пять стран финансируют кинопроизводство: Гана, Гвинея, Либерия, Нигерия, Уганда. В остальных же государствах фильмы снимают энтузиасты на собственные средства. Лишь для немногих кино стало профессией. Чтобы заняться любимым делом, создатели фильмов в большинстве случаев вынуждены подрабатывать на стороне. Не хватает кинооператоров, киноинжене-

ров, монтажеров, а профессиональных киноактеров почти нет. Ими становятся журналисты, студенты, дикторы телевидения.

В Африке мало кинотеатров, за исключением Нигерии, где их 140. В некоторых странах их не больше трех.

Становлению и развитию молодого искусства Африки помогают Советский Союз и страны социалистического лагеря. Так, самый крупный киноцентр Тропической Африки при государственной фирме «Сили-Синема» (Гвинея) оборудован советской техникой. Многие мастера африканского кино — например, крупнейший кинематографист Сенегала Сембен Усман — обучались в нашей стране. В Африке с большим успехом демонстрировались такие советские фильмы, как «Белое солнце пустыни», «Укрощение огня» и другие. Недели и премьеры советских фильмов в Африке проводятся регулярно.

Сотрудничество прогрессивных кинематографистов стран Азии и Африки, одной из форм которого являются международные кинофестивали в Ташкенте, развивается и крепнет. Доказательством тому — постоянно растущее мастерство молодых мастеров африканского экрана.

стальным горлом. Появляло ароматом ночных цветов. На космодро-
ме застрекотали цикады. Высоко вверх мерцали далекие звезды.
— Мне, к сожалению, некогда — сказал пришелец, посмотрев
на часы-браслет. — Так вот, дорогие земляне...

По рядам землян прошел трепет — звездный гость сказал им
магическое слово «дорогие», слово, которое издавна открывало
на Земле все сердца...

Космичанин, почувствовав пафос этой минуты, продолжал
растроганным голосом:

— Так вот, дорогие земляне, теперь мы выяснили, что у вас
есть, чем вы богаты и в чем нуждаетесь. Я с глубоким удовле-
творением отмечаю, что Земля не такая уж бедная планета...
Скажу больше, ваши богатства, как и любое богатство, как любой
капитал, приносят доход. А всякий доход подлечит обложению
налогом... Бланк, который получил ваш уважаемый председатель,
заполнен цифрами. И цифры обозначают размер налога, причи-
тающегося с вашей планеты. Я призываю вас, межзвездные бра-
тья, новые члены нашего великого союза, аккуратно платить на-
лог!.. Да, чуть не забыл, если размер налога сочтете завышен-
ным, можете обратиться в нашу юридическую контору с проте-
стом. Срок обжалования — два года. Вот координаты планеты, где
находится юридическое управление. Совсем недалеко от Земли —
каких-нибудь двести — двести пятьдесят световых лет... Ну, всего
вам хорошего. Пишите письма, шлите сигналы и не поминайте ли-
хом. Не сердитесь за столь краткий визит, я очень спешу. Впере-
ди — десять миллионов планет.

Пришелец поклонился и направился к кораблю.

Ровно через две с половиной минуты сквородка с ручкой
оторвалась от гостеприимной зелено-голубой планеты Земля и
взмыла в просторы звездного неба.

Перевод с японского
З. Рахима



ТРИ ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗА



□

В зарубежной западной фантастике «восточная тема» встречается сравнительно редко. Тем привлекательнее то обстоятельство, что у двух крупнейших писателей-фантастов современности — американца Рэя Брэдбери и англичанина Артура Кларка — есть рассказы, действие которых происходит в азиатских странах. Два из них мы публикуем здесь.

Третий рассказ — образец современной японской фантастики, написанный Саке Комацу — одним из ее лучших мастеров.

□

— А вы как думали? Да что там — это всего десять процентов! В центре галактики сто миллионов таких планет. Вы отстали от жизни. Мы давным-давно заключили Межгалактический союз. По вашему летоисчислению он существует уже около пятидесяти миллионов лет.

Пришелец, довольно интересный мужчина, огляделся.

— Подумать, — сказал он, — в таком захолустье — и вдруг планета, населенная разумными существами!

Он протянул представителю Земли, уничтоженному сознанием своего провинциализма, нечто вроде бумажки.

— Пожалуйста, заполните все графы. И очень прошу вас — побыстрее. А то мне страшно некогда...

На этой бумажке были следующие графы: численность населения Земли, объем годовой промышленной продукции, валовая продукция сельского хозяйства, предполагаемый размер природных ресурсов, пользуется ли Земля помощью других планет и прочее.

— Ну, что же вы задумались? Самый обычный бланк, я думаю, у вас на Земле встречаются документы и посложнее. Поторопитесь, пожалуйста, а то я спешу. Да не надо мне точных цифр! Это ведь самые общие данные, можете писать округленно, без всяких там сотых долей.

Председатель поспешно заполнил графы. Разумеется, он не помнил точных цифр, но, к счастью, этого и не требовалось. Пришелец взял у него бланк, сунул в какой-то аппарат, напомнивший обыкновенную пишущую машинку, который висел у него через плечо. Раздался треск, шелканье, и через минуту выскочил новый бланк, испещренный цифрами. Пришелец взял бумажку, разорвал ее пополам и половину протянул председателю.

— Простите, — сказал председатель, хлопая глазами, — все данные приблизительные. Сами понимаете, так, сразу, трудно восстановить цифры в памяти. Но вы не сомневайтесь, статистика у нас на высоком уровне. Если необходимо, можем послать запрос в статистическое управление и дня через два вам пришлют точные данные... И разрешите еще один вопрос... Зачем вам эти цифры?

Пришелец усмехнулся. Его уставые глаза, рассеянно оглядывавшие толпу, флаги и транспаранты с четко выписанными приветствиями, задержались на председателе.

— Вы, земляне, — сказал он устало, — если не ошибаюсь, упорно добивались контакта с другими мирами. Стремление весьма естественное и разумное. Ваши призывы услышали. И вот я здесь. Вы довольны?

Председатель закивал и начал кланяться, всем своим видом выражая дружелюбие и полную готовность удовлетворить любую просьбу космического гостя.

— Так вот, — продолжал пришелец, — вы совершенно добровольно пожелали вступить в Межгалактический союз. И вообще планета, которая устанавливает с нами контакт, автоматически становится членом нашего союза...

Председатель и все остальные члены Всемирного союза Земли слушали в глубоком молчании. Над Землей, прекрасной зелено-голубой планетой, постепенно сгустились сумерки. Где-то в отдалении запел соловей, неприметная, соренка птичка с хру-

щины давно не давали покоя всем солидным гражданам. Вроде бы ничего особенно плохого и не делают, а беспокоят. Как же — девчонки, почти каждая из них, которой исполнилось семнадцать, мнит о себе невеста что. Она и красавица, и умница, и свободу-то ей подавай, и туалеты немислимые, и поклонников, да и не просто поклонников, а необыкновенных парней — суперменов! Трудно с такими разговаривать. И все же нашли общий язык. Образумили-таки несмышленных девчушек, возмнивших себя по меньшей мере героинями популярных кинофильмов. Прежде всего пошли в атаку на сова менную моду — под страхом привода в полицию обязали старшекласниц и студентов первых курсов высших учебных заведений употреблять поменьше косметики и носить юбки пристойной длины — чтобы хоть не все ляжки были видны! Следующим шагом было распространение среди молодежи брошюр о правилах хорошего тона — как говорить со старшими, когда убаваться, как держать себя в общественных заведениях и прочее. Разумеется, подобные книжечки и брошюры раздавались бесплатно. Подготовка к встрече шла полным ходом.

На дорогах стояли щиты с надписями: «До прибытия космических пришельцев осталось столько-то дней...»

И вот долгожданный час настал. Ровно через четыре года на фоне бледного вечернего неба обрисовался контур межзвездного корабля, удивительно похожего на скорородку с ручкой. Корабль благополучно приземлился на заранее подготовленном космодроме. Из него вышло существо... как две капли воды похожее на человека, только трехметрового роста. Грянул туш. В воздух полетели бесконечные ленты серпантина, шапки, цветы, дорогие кольца и браслеты, часы, шелковые платочки, апельсинки, бананы и прочие фрукты. К чести землян надо сказать, что ни одно туш-лое яйцо или гнилое яблоко не замарало светлого горизонта. Оркестры гремели не умолкая. Джазы исходили приветственными воплями, фейерверки расцветали, как кусты роз в погожий день. Атмосфера Земли сотрясалась от несмолкающих криков «Ура!», «Банзай!», «Виват!», «Гип-гип!» и даже «Аве!».

Председатель Всемирного союза выступил вперед, собираясь произнести торжественную речь, но пришелец из космоса остановил его, досадливо махнув рукой:

— Э-э, дорогуша, красивые слова оставим до следующего раза! Знаю, знаю, что вы хотите сказать — мы безмерно счастливы и так далее. Не надо лишних слов! Мы — люди дела. Работы в наших галактиках непочатый край, дорогуша. А пафос оставим для потомков. Не уподобляйтесь тем инoplanетным бездельникам, которые шагу ступить не могут, чтобы не толкнуть торжественную речь. Представляете, как это затрудняет мою работу? А мне, знаете ли, страшно некогда...

— Некогда? — переспросил ошеломленный председатель. — А куда же вы так торопитесь, позвольте узнать?

— Куда тороплюсь? Взгляните-ка на небо! Видите звездочки? Так вот, мне нужно посетить десять миллионов периферийных планет галактики...

— Десять миллионов?! — ученые захлопали глазами, сразу преклонившиеся уважения к космическому гостю. Цифры говорили за себя. — Неужели во Вселенной так много планет с разумными существами?

АРТУР КЛАРК

Десять миллиардов имен

ЗАКАЗ необычный. — Доктор Вагнер старался говорить с надежной степенью точности. — Насколько я понимаю, мы первое предприятие, к которому обращаются с просьбой поставить автоматическую счетную машину для тибетского монастыря. Не считайте меня любопытным, но очень уж трудно представить себе, зачем вашему... э... учреждению нужна такая машина. Вы не можете объяснить, что вы собираетесь с ней делать?

— Охотно, — ответил лама, поправляя складки шелкового халата и не спеша убирая логарифмическую линейку, с помощью которой производил финансовые расчеты. — Ваша электронная машина «Модель пять» выполняет любую математическую операцию над числами, вплоть до десятизначных. Но для решения нашей задачи нужны не цифры, а буквы. Вы перерабатываете выходные цепи, как мы вас просим, и машина будет печатать слова, а не числа.

— Мне не совсем ясно...

— Речь идет о проблеме, над которой мы трудимся уже три столетия, со дня основания нашего монастыря. Человеку вашего образа мыслей трудно это понять, но я надеюсь, вы без предвзятости выслушаете меня.

— Разумеется.

— В сущности, это очень просто. Мы составляем список, который включит в себя все возможные имена бога.

— Простите...

— У нас есть основание полагать, — продолжал лама невозмутимо, — что все эти имена можно записать с применением всего лишь десяти букв изобретенной нами азбуки.

— И вы триста лет занимаетесь этим?

— Да. По нашим расчетам, потребуется около пятнадцати тысяч лет, чтобы выполнить эту задачу.

— О! — Доктор Вагнер был явно поражен. — Теперь я понимаю, для чего вам счетная машина. Но в чем, собственно, смысл всей этой затеи?

Лама на мгновение замаялся. «Уж не оскорбил ли я его?» — спросил себя Вагнер. Во всяком случае, когда гость заговорил, ничто в его голосе не выдавало недовольства.

— Назовите это культом, если хотите, но речь идет о важной составной части нашего вероисповедания. Употребляемые нами имена Вышнего Существа — Бог, Иегова, Аллах и так далее — всего-навсего придуманные человеком ярлыки. Тут возникает довольно сложная философская проблема, не стоит сейчас ее обсуждать, но среди всех возможных комбинаций букв кроются, так сказать, действительные имена бога. Вот мы и пытаемся выявить их, систематически переставляя буквы.

— Понимаю. Вы начали с комбинации ААААААА... и будете продолжать, пока не дойдете до ЯЯЯЯЯЯЯ...

— Вот именно. С той разницей, что мы пользуемся азбукой, которую изобрели сами. Заменить литеры в пишущем устройстве, разумеется, проще всего. Гораздо сложнее создать схему, которая позволит исключить заведомо ненужные комбинации. Например, ни одна буква не должна повторяться более трех раз подряд.

— Трех? Вы, конечно, хотели сказать — двух.

— Нет, именно трех. Боюсь, что объяснение займет слишком много времени, даже если бы вы знали наш язык.

— Не сомневайтесь, — поспешил согласиться Вагнер. — Продолжайте.

— К счастью, вашу автоматическую счетную машину очень легко приспособить для нашей задачи. Нужно лишь правильно составить программу, а машина сама проверит все сочетания и опечатает итог. За сто дней будет выполнена работа, на которую у нас ушло бы пятнадцать тысяч лет.

Далеко внизу лежали улицы Манхэттена, но доктор Вагнер вряд ли слышал невнятный гул городского транспорта. Мысленно он перенесся в другой мир, мир настоящих гор, а не тех, что напромождены рукой человека. Там, уединившись в заоблачной выси, эти монахи из поколений в поколение терпеливо трудятся, составляя списки лишенных всякого смысла слов. Есть ли предел людскому безразудству? Но нельзя показывать, что ты думаешь. Клиент всегда прав.

— Несомненно, — сказал доктор, — мы можем переделать «Модель пять», чтобы она печатала нужные вам списки. Меня беспокоит другое — установка и эксплуатация машины. В наши дни попасть в Тибет не так-то просто.

— Положитесь на нас. Части не слишком велики, их можно перебросить самолетом. Вы только доставьте их в Индию, дальше мы сделаем все сами.

— И вы хотите нанять двух инженеров нашей фирмы?

— Да, на три месяца, пока не будет завершена программа.

— Я уверен, что они выдержат срок. — Доктор Вагнер записал что-то в блокноте. — Остается выяснить еще два вопроса...

Прежде чем он договорил, лама протянул ему узкую полоску бумаги.

— Вот документ, удостоверяющий состояние моего счета в Азиатском банке.

— Благодарю. Как будто... да, все в порядке. Второй вопрос несколько элементарен, я даже не знаю, как сказать... Но вы не представляете себе, сколь часто люди упускают из виду са-

снился. Неизвестные существа оказались не просто разумными, но и чрезвычайно талантливыми. Это ведь не шутка — настолько освоить английский язык, чтобы сразу вести на нем переговоры! — Когда вы собираетесь к нам в гости? — спросили ученые. — Земля ждет вас!

Прошло еще несколько лет. Что подлаешь — космос все-таки. Послать сообщение в другую галактику и получить ответ — это ведь не то же самое, что обмениваться телеграммами между Токио и Нью-Йорком! На этот раз голос неизвестного существа звучал устало:

— Очень уж далеко до вас. Загляну года через четыре, когда буду делать очередной обход. Пришлите данные о вашей планете.

Что тут началось на Земле! Разговорам и волнениям не было конца. Всего четыре года! Даже дети не подрастут за это время. И глазом не успеешь моргнуть, как пролетят триста шестьдесят пять дней, помноженные на четыре, плюс еще один день — доставка, приходящаяся на високосный год. Нынешние жители Земли увидят пришельцев из космоса своими глазами. Интересно, какие они? Похожи ли на нас? Или людям предстоит встретиться с чудовищами, которыми кишат страны научно-фантастических романов?.. А вдруг эти существа — кровожадные и воинственные и захотят поработить Землю?..

Как бы то ни было, земляне решили не ударить в грязь лицом перед гостями. Все страны объединились во Всемирный союз и разработали программу подготовки и встречи пришельцев. Дел предстояло немало. Честно говоря, наша старушка Земля — не такая уж благоустроенная планета. Много еще на ней всякой дряни. Перво-наперво решили навести внешний блеск и лоск, как делают каждая хорошая хозяйка в своем доме, готовясь к визиту дорогих гостей. Началось бурное строительство. Возводили мосты, прокладывали новые шоссе, строили сверхсовременные жилые дома, роскошные благоустроенные отели, уничтожали трущобы, помойки, мусорные ямы, мух, комаров, клопов и прочую нечисть. В Токио заодно снесли турецкие бани, хотя, задание, в котором они помещались, было вполне приличным. Но, как говорится, лес рубят — щепки летят. Народы Земли не отряхивались этими мероприятиями. Вскоре взялись за быт и нравы. Как же иначе? В чисто вымытом доме и жильцы должны быть чистенькими. Развернулась широкая кампания по борьбе со всякими жульем. Сначала прочистили ночлежки, где нашли себе приют мелкие карманники, рыночные ворюжки и другие проходивцы. Потом провентилировали разные значимые места, куда не попадают непосвященные, — так называемые «машины». Бандиты оказались на редкость сознательными людьми. Главарь шек дал за срок не грабить и не убивать в ближайшие четыре-пять лет. Но этим общественность не ограничилась. Не только профессиональные воры являлись темным пятном на светлом лике Земли. Есть много людей, к которым сразу и не придерешься, — вроде бы живут в рамках установленного обществом порядка. Но если копнуть... Короче говоря, ретивые члены комитетов подготовки, встрече с космическими братьями обратили взоры на молодежь. В первую очередь надо было навести порядок среди семнадцатилетних девятинадцатилетних девиц. Эти сопливые полуподрасточки-полужен-

Теперь, так сказать, свои...

НАВЕРНОЕ, все помнят семидесятые годы двадцатого века. Это главное десятилетие ознаменовалось прекращением войн на всем земном шаре. Люди доброй воли свою энергию, свои мысли посвятили теперь освоению космоса. Земляне были уверены, что где-то в просторах Вселенной живут их братья по разуму. Вскоре был принят международный план поисков контакта с жителями других планет. С тех пор ученые ежедневно посылали радиосигналы в просторы космоса. Люди ждали и верили. Найдутся, непременно найдутся разумные существа, которые примут сигналы, не перепутают их с природными радиоволнами!

Дорогие космические братья, где вы? Откликнитесь!

Конечно, ни один земной язык не годился для этих сигналов. Для связи использовали радиосигналы определенной длительности, передаваемые с регулярными паузами.

Космичане! Что же вы молчите? Мы, земляне, уверены, что где-то, может быть, на какой-нибудь далекой звезде, вы ждете зова родственных вам существ, наделенных высоким разумом... Так примерно можно было расшифровать эти сигналы, если обладать хоть каплей воображения.

Прошло пять лет, прошло десять лет. Ближайшие к Земле галактики безмолвствовали. Очевидно, на планетах, находящихся на расстоянии примерно десяти световых лет от нашей, не было разумной жизни. Ученые немного приуныли, но не сдались. Построили новые, усовершенствованные радиотелескопы. Сфера действия радиосигналов расширилась до ста световых лет.

И наконец торжественный день наступил. Земляне получили ответ. Ученые прыгали от радости. На улицы всех городов мира вышли празднично одетые демонстранты с цветами и яркими флагами. Ответные сигналы шли с расстояния сравнительно недалеко. Они представляли собой чередование длинных и коротких импульсов — нечто вроде азбуки Морзе. Однако расшифровать их не удалось. В ответ послали несколько первых чисел из натурального ряда, потом простейшие алгебраические формулы. Несмотря на возражения некоторых скептиков, передали обращение на английском языке.

Прошло еще пять лет. Из космоса поступили новые сигналы, такие же, как и раньше. Но это было не все. Космичане готовили своим земным братьям сюрприз. Мощные антенны обсерваторий вдруг приняли человеческую речь! Говорили, кажется, по-английски. Через несколько минут усилители поймали и передали совершенно отчетливую фразу:

— Что это вы вздумали пичкать нас примитивными формулами, как первоклашек? Не могли дать задачу посложнее?

Подобный ответ мог показаться несколько грубоватым, но никто не обратил на это внимания. Ликованию не было предела. Контакт установлен! И какой контакт! Такой землянам даже и не

мые элементарные вещи. Итак, какой у вас источник электроэнергии?

— Дизельный генератор мощностью пятьдесят киловатт, напряжением сто десять вольт. Он установлен пять лет назад и вполне надежен. Благодаря ему жизнь у нас в монастыре стала гораздо приятнее. Но вообще-то его поставили, чтобы снабжать энергией моторы, которые вращают молитвенные колеса.

— Ну конечно,— подхватил доктор Вагнер.— Как я не подумал!



С балкона открывался захватывающий вид, но со временем ко всему привыкаешь. Семисотметровая пропасть, на дне которой распадались шахматные клеточки возделанных участков, уже не пугала Джорджа Хенли. Положив локти на сложенные ветром камни перапетта, он угрюмо созерцал далекие горы, названия которых ни разу не попытался узнать.

«Вот ведь влип! — сказал себе Джордж.— Более дурацкую затею трудно придумать!» Уже вторую неделю «Модель пять» выдает километры бумаги, испещренные тарбарщиной. Терпеливо, неумолимо машина переставляет буквы, проверяет все сочетания и, исчерпав возможности одной группы, переходит к следующей. По мере того как пищевое устройство выбрасывает готовые листы, монахи тщательно собирают их и склеивают в толстые книги.

Слава богу, еще неделя, и все будет закончено. Какие такие расклады убедили монахов, что нет надобности исследовать комбинации из десяти, двадцати, ста букв, Джордж не знал. И без того его по ночам преследовали кошмары: будто в планах монахов произошли перемены и верховный лама объявил, что программа продлевается до 2060 года... А что, они способны на это! Громко хлопнула тяжелая деревянная дверь, и рядом с Джорджем появился Чак. Как обычно, он курил одну из своих сигар, которые помогли ему завоевать расположение монахов. Ламы явно ничего не имели против всех малых и большущих великих радостей жизни. Пусть они одержимые, но ханжами их не назовешь. Частенько наведываются вниз, в деревню...

— Послушай, Джордж,— взволнованно заговорил Чак.— Приятные новости!

— Что такое? Машина капризничает?

Большой неприятности Джордж не мог себе представить. Если начнет барахлить машина, это может — о ужас! — задержать их отъезд. Сейчас даже телевизионная реклама казалась ему голубой мечтой. Все-таки что-то родное...

— Нет, совсем не то.— Чак сел на парпет; удивительный поступок, если учесть, что он всегда боялся обрыва.— Я только что выяснил, чего ради они все это затеяли.

— Не понимаю. Разве нам это не известно?

— Известно, какую задачу поставили себе монахи. Но мы не знали для чего. Это такой бред...

— Расскажи что-нибудь поновее,— простонал Джордж.

— Старик верховный только что разоткровенничался со мной. Ты знаешь его привычку — каждый вечер заходит посмотреть, как

машина выдает листы. Ну вот, сегодня он явно был взволнован — если его вообще можно представить себе взволнованным. Когда я объяснил ему, что идет последний цикл, он спросил меня на своем домашнем английском языке, задумывался ли я когда-нибудь, чего именно они добиваются. Конечно, говорю. Он мне и рас- сказал.

— Давай, давай, как-нибудь переварю.

— Ты послушай: они верят, что, когда переписут все имена бога — а этих имен, по их подсчетам, что-то около девяти миллиардов, — осуществится божественное предначертание. Род человеческого завершит то, ради чего был сотворен, и можно будет поставить точку. Мне вся эта идея кажется богоульством.

— И чего же они ждут от нас? Что мы закончим жизнь са- моубийством?

— В этом нет нужды. Как только список будет готов, бог сам вмешается и поведет черту. Аиба!

— Понял: как только мы закончим нашу работу, наступит конец света.

Чак нервно усмехнулся.

— То же самое я сказал верховному. И знаешь, что было? Он поглядел на меня так, словно я сморозил величайшую глупость, и сказал: «Какие пустяки вас заботят».

Джордж призадумался.

— Ничего не скажешь, широкий взгляд на вещи, — произнес он наконец. — Но что мы-то можем тут поделывать? Твое открытие ничего не меняет. Будто мы и без того не знали, что они помешанные.

— Верно, но неужели ты не понимаешь, чем это может кончиться? Мы выполним программу, а судный день не наступит. Они возьмут да нас обвинят. Машина-то наша. Нет, не нравится мне все это.

— Дошло, — медленно сказал Джордж. — Пожалуй, ты прав. Но ведь это не ново, такие вещи и раньше случались. Помню, в детстве у нас в Луизиане объявился свихнувшийся проповедник, твердил, что в следующее воскресенье наступит конец света. Сотни людей поверили ему, некоторые даже продали свои дома. А когда ничего не произошло, они не стали возмущаться, не думай. Просто решили, что он ошибся в своих расчетах, и продолжали верить. Не удивлюсь, если некоторые из них до сих пор какое-то воскресенье ждут конца света.

— Позволь напомнить: мы не в Луизиане. И нас двое, а этих лам несколько сот. Они главные люди, и жаль старика, если рухнет дело всей его жизни. Но все-таки я предпочел бы быть где-нибудь в другом месте.

— Я об этом давно мечтаю. Но мы ничего не можем поделывать, пока не выполним контракт и за нами не прилетят.

— А что, — задумчиво произнес Чак, — если подстроить что-нибудь?

— Черта с два! Только хуже будет.

— Не торопись, послушай. При нынешнем темпе работы — двадцать часов в сутки — машина закончит все в четыре дня. Самолет прилетит через неделю. Значит, нужно только во время очередной наладки найти какую-нибудь деталь, требующую замены. Так, чтобы оттянуть программу Денка на два, не больше.

— Но бывает и так, — продолжал император еще печальнее, — что человеку приходится жертвовать чем-нибудь прекрасным, дабы сохранить то прекрасное, которое у него уже есть. Я не боюсь тебя, тебя самого, но боюсь другого человека.

— Кого же?

— Какого-нибудь другого, который, увидев тебя, построит такую же машину из цветной бумаги и бамбука. Но у этого человека может оказаться злое лицо и злое сердце, и он не захочет смотреть на красоту. Такого человека я и боюсь.

— Почему? Почему?

— Кто может сказать, что когда-нибудь такой человек не взлетит к небу в такой машине из бамбука и бумаги и не сбросит огромные каменные глыбы на Великую стену? — спросил император, и никто не смел шевельнуться, ни вымолвить слово.

— Отрубить ему голову! — приказал император.

Палач взмахнул блестящим ножом.

— Сожгите дракона и его создателя и пепел обоих схороните вместе, — сказал император.

Слуги кинулись исполнять приказание.

Император обратился к своему слуге, который первым увидел летящего человека:

— Обо всем этом молчи. Все это было сном, очень грустным и прекрасным сном. Крестьянину, которого мы видели в поле, скажи, что ему будет заплачено, если он сочтет это видением. Но если вы скажете хоть слово, вы оба умрете.

— Ты милосерден, господин.

— Нет, я не милосерден, — возразил император. Он смотрел, как за садовой оградой слуги сжигают прекрасную, пахнущую утренним ветром машину из бумаги и тростника. Видел темный дым, поднимающийся к небу. — Нет, я в отчаянии и очень испуган. — Он смотрел, как слуги руют яму, чтобы схоронить пепел. — Что такое жизнь одного человека в сравнении с жизнью миллионов! Пусть эта мысль будет мне утешением.

Он снял ключик с цепочки на шее и снова завел механизм чудесного сада. Стоял и глядел вдаль, на Великую стену, на мирно-любивый город, на зеленые поля, на реки и дороги. Вздохнул. Крохотный механизм зажуужжал, и сад ожил. Под деревьями гуляли человечки, на залитых солнцем полянках мелькали зверьки в блестящих шубках, а в ветвях деревьев порхали голубые и золотистые птички и кружились в маленьком небе.

— Ах! — вздохнул император, закрывая глаза. — Ах, эти птички, птички...

*Перевод с английского
З. Бобрь*

— Клянусь!

— Кто еще знает о ней?

— Никто. Даже моя жена. Она решила бы, что солнце удрало мне в голову. Думала, что я делаю бумажного дракона. Я встал ночью и ушел к далеким скалам. А когда взошло солнце и повеял утренний ветерок, я набрался храбрости, государь, и прыгнул со скалы. И полетел! Но моя жена об этом не знает.

— Ее счастье,— произнес император.— Идем.

Они вернулись к дворцу. Солнце сияло уже высоко в небе, и трава пахла свежестью. Император, слуга и летающий человек остановились в обширном саду.

Император хлопнул в ладоши.

— Стража!

Прибежала стража.

— Схватить этого человека!

Стража схватила его.

— Позвать палача,— приказал император.

— Что это значит? — в отчаянии вскричал летающий. — Что я сделал? — Пышное бумажное одеяние зашестело от его рыданий.

— Вот человек, который построил некую машину,— произнес император,— а теперь спрашивает у нас, что он сделал. Он сам не знает что. Ему важно только делать, а не знать, почему и зачем он делает.

Прибежал палач с острым, сверкающим мечом. Остановился, обнажил мускулистые руки, лицо закрыл холодной белой маской.

— Еще мгновение,— сказал император. Подошел к стоящей поблизости столбу, где была машина, им самим построенная. Снял с шеи золотой ключик, вставил его в крошечный тонкий механизм и завел. Механизм заработал.

Это был сад из золота и драгоценных камней. Когда механизм работал, то на ветвях деревьев пели птицы, в крохотных рошицах бродили звери, а маленькие человечки перебежали с солнца в тень, обмахивались крошечными веерами, слушали пение изумрудных птичек и останавливались у миниатюрных журчащих фонтанов.

— Разве это не прекрасно? — спросил император.— Если ты спросишь меня, что я сделал, я отвечу тебе. Я показал, что птицы поют, что деревья шумят, что люди гуляют по зеленой стране, наслаждаясь тенью, и зеленью, и пением птиц. Это сделал я.

— Но, государь...— Летающий упал на колени, заливаясь слезами.— Я тоже сделал нечто подобное! Я нашел красоту. Взлетел в утреннем ветре. Смотрел вниз, на спящие дома и сады. Ощущал запахи моря и со своей высоты даже видел его далеко за горами. И парил, как птица. Ах, нельзя рассказать, как прекрасно там, наверху, в небе,—ветер веет вокруг меня и несет меня туда, что сюда, как перышко, и утреннее небо пахнет... А какое чувство свободы! Это прекрасно, государь, это так прекрасно!

— Да,— печально ответил император.— Я знаю, что это так. Ибо я и сам чувствовал, как мое сердце парит вместе с тобою в небе, и размышлял: «Каково это? Какое ощущение? Какими видами с этой высоты далекие озера? А мои дворцы? А слуг? А гор род вдали, еще не проснувшийся?»

— Пощади меня!

Исправим не торопясь. И если сумеем верно все рассчитать, мы будем на аэродроме в тот миг, когда машина выдаст последнее имя. Тогда уж им нас не перехватить.

— Не нравится мне твой замысел,— ответил Джордж.— Не было случая, чтобы я не довел до конца начатую работу. Не говоря уже о том, что они сразу заподозрят неладное. Нет уж, лучше дотяну до конца, будь что будет.

□

— Я и теперь не одобряю нашего побега,— сказал он семь дней спустя, когда они верхом на крепких горных лошадках ехали вниз по извилистой дороге.— И не подумай, что я удираю, потому что боюсь. Просто мне жаль этих бедняг, не хочется видеть их огорчения, когда они убедают, что опростоволосились. Интересно, как верховный это примет?..

— Странно,— отозвался Чак,— когда я прощался с ним, мне показалось, что он нас раскусил и отнесся к этому совершенно спокойно. Все равно машина работает исправно, и задание скоро будет выполнено. А потом... Впрочем, в его представлении никакого «потом» не будет.

Джордж повернулся в седле и поглядел вверх. С этого места в последний раз открывался вид на монастырь. Приземистые угловатые здания четко вырисовывались на фоне закатного неба: тут и там, точно иллюминаторы океанского лайнера, светились огни. Электрические, разумеется, питающиеся от того же источника, что «Модель пять». «Сколько еще продлится это сосуществование?» — спросил себя Джордж. Разочарованные монахи способны сгорая разбить вдребезги вычислительную машину. Или они преспокойно начнут все свои расчеты сначала?..

Он ясно представлял себе, что в этот миг происходит на горе. Верховный лама и его помощники сидят в своих шелковых халатах, изучая листки, которые рядовые монахи собирают в толстые книги. Никто не произносит ни слова. Единственный звук — нескончаемая дробь, как от вечного ливня: стучат по бумажке рычаги пишущего устройства. Сама «Модель пять» выполняет свою тысячу вычислений в секунду бесшумно. «Три месяца...» подумал Джордж.— Да тут кто угодно свихнется!

— Вон он! — воскликнул Чак, показывая вниз, в долину.— Правда, хорош?

«Правда», — мысленно согласился Джордж. Старый, видавший виды самолет серебристым крестиком расплстался в начале взлетной дорожки. Через два часа он понесет их навстречу свободе и разуму. Эту мысль хотелось смаковать, как рюмку хорошего ликера. Джордж упивался ею, покачиваясь в седле.

Гималайская ночь почти настигла их. К счастью, дорога хороша, как и все местные дороги. И у них есть фонарики. Никакой опасности, только холод досаждал. В удивительно ясном небе приветливо сверкали знакомые звезды. «Во всяком случае», — подумал Джордж, — из-за погоды не застрянем». Единственное, что его еще тревожило.

Он запел, но вскоре смолк. Могики, величавые горы со снежными шапками вершин не располагали к бурному проявлению чувств. Джордж посмотрел на часы.

— Еще час, и будем на аэродроме,— сообщил он через плечо Чаку. И добавил чуть погодя: — Интересно, как там машина — уже закончилась? По времени — как раз.

Чак не ответил, и Джордж повернулся к нему. Он с трудом различил лицо друга — обращенное к нему белое пятно.

— Смотри,— прошептал Чак, и Джордж тоже обратил взгляд к небесам. (Все когда-нибудь происходит в последний раз).

Высоко над ними тихо, без шума одна за другой гасли звезды.

*Перевод с английского
Л. Жданова*

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Человек в воздухе

В ГОД 400-й от рождения Христова сидел на троне за Великой Китайской стеной император Юань. Его страна зеленела после дождей и мирно готовилась принести урожай, а люди в этой стране хоть и не были самыми счастливыми, но не были и самыми несчастными.

Рано утром, в первый день первой недели второго месяца после Нового года, император Юань пил чай в беседе и веером нагонял на себя теплый ветерок, когда к нему по красным и синим плиткам, выстилавшим дорожку, прибежал слуга, крича:

— Государь, о государь, чудо!

— Да,— ответил император,— воздух сегодня поистине восхитителен.

— Нет, нет, чудо! — повторил слуга, кланяясь.

— И чай приятен моим устам, и это поистине чудо.

— Нет, не то, государь!

— Ты хочешь сказать, вошло солнце и нестает новый день. И море лазурно. Это прекраснейшее из всех чудес.

— Государь, какой-то человек летает!

— Как? — Император перестал обмахиваться.

— Я видел человека в воздухе, и у него крылья, и он летает. Я услышал голос, зовущий с неба, и увидел дракона, поднимающегося ввысь, и в пасти у него был человек. Дракон из бумаги, дракон цвета солнца и травы!

— Утро раннее,— произнес император,— и ты только что проснулся.

— Утро раннее, но что я видел — видел. Иди, и ты увидишь тоже.

— Садись тут со мной,— сказал император.— Выпей чаю. Если это правда, то, должно быть, очень странно увидеть, как человек летает. Нужно время, чтобы понять это, как нужно время, чтобы подготовиться к тому, что мы сейчас увидим.

Они пили чай.

— Государь,— сказал вдруг слуга,— только бы он не улетел! Император задумчиво встал.

— Теперь можешь показать мне, что ты видел.

Они вышли в сад, миновали травянистую лужайку и мостик, миновали рощицу и вышли на невысокий холм.

— Вон там! — указал слуга.

Император взглянул на небо.

А в небе был человек, и он смеялся на такой высоте, что его смех был едва слышен; и этот человек был одет в разноцветную бумагу и тростниковый каркас, образующий крылья и великопленный желтый хвост, и он парил высоко над землей, как величайшая птица из всех птиц, как новый дракон из древнего драконова царства.

И человек закричал с высоты в прохладном утреннем воздухе:

— Я летаю, летаю!

Слуга махнул ему рукой:

— Мы тебя видим!

Император Юань не шевельнулся. Он глядел на Великую Китайскую стену, только сейчас начавшую выходить из тумана среди зеленых холмов, на этого чудесного каменного змея, величаво извивающегося среди полей; на прекрасную стену, с незапамятных времен охраняющую его страну от вражеских вторжений, неслетные годы защищающую мир. Он видел город, прикрывший у реки, и холмы — они уже начали пробуждаться.

— Скажи,— обратился он к слуге,— видел ли этого летящего человека еще кто-нибудь?

— Нет, государь,— ответил слуга; он улыбался небу и махал ему рукой.

Еще несколько мгновений император созерцал небо, потом сказал:

— Крикни ему, чтобы он спустился ко мне.

Слуга сложил руки у рта и закричал:

— Эй, спускайся, спускайся! Император хочет видеть тебя! Пока летящий человек спускался в утреннем ветре, император зорко оглядывал окрестности. Увидел крестьянина, прекратившего работу и глядевшего в небо, и запомнил, где крестьянин стоит.

Защуршала бумага, захрустел тростник, и летящий человек опустился на землю. Он гордо приблизился к императору и поклонился, хотя с его нарядом ему было неудобно кланяться.

— Что ты сделал? — спросил его император.

— Летал в небесах, государь,— ответил человек.

— Что ты сделал? — повторил император.

— Но я только что сказал тебе! — воскликнул летавший. — Ты не сказал вообще ничего. — Император протянул свою тонкую руку, прикоснулся к разноцветной бумаге, к птичьему корпусу машины. От нее пахло холодным ветром.

— Разве она не прекрасна, государь?

— Да, слишком даже прекрасна.

— Она единственная в мире! — засмеялся человек. — И я сам ее придумал.

— Единственная в мире?

ЯПОНИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ...

А. ДОЛИН

В МЕСТЕ с другими представителями государств Азии и Африки весной этого года в третьем кинофестивале двух континентов в Ташкенте участвовала делегация кинематографистов Японии — одной из крупнейших кинодержав мира, выпускающей до 500 фильмов в год.

Для официального показа Япония представила фильм «Родина» режиссера Ёдзи Ямада, признанный лучшим японским фильмом 1973 года. Красоту родной природы, величие труда простых людей, любовь к своему делу — все это удалось передать режиссеру, наделенному тонким чувством подлинного лиризма. И тем не менее фильм, единодушно поддержанный японской критикой, не нашел отклика у советского зрителя, не сумел взволновать и удивить, подобно лучшим фильмам Кurosавы, Мидзугути, Тэсигахара.

По сравнению с фильмом «Под знаменем восходящего солнца» молодого режиссера Киндза Фукаку, который был показан на прошлом фестивале, фильму «Родина» был оказан весьма холодный прием. В чем же дело — изменились вкусы публики? Скорее всего, причины неудачи следует искать в самом фильме. Отсутствие сюжетной интриги, затянутасть и излишняя прямолинейность в противопоставлении идиллической природы родного края урбанизму индустриальных центров снижает художественные достоинства картины. Не искупает этих недостатков и прекрасная операторская работа, позволяющая восхищаться великолепными ландшафтами. Раскрытие основной темы «человек — природа — труд» в полной мере не состоялось.

Другой фильм Ёдзи Ямада «Незабудки Тора-сан» более типичен для режиссера, который, по его словам, в течение многих лет специализировался именно в жанре комедии. Торадзиро — популярный герой японского экрана, предстает перед зрителями в самых различных ситуациях. Существует множество серий фильма, никак не связанных сюжетно, но объединенных общим героем. Тора-сан — фигура действительно комичная. Это плотный мужчина средних лет с широкой приветливой улыбкой. Он полон желания помочь ближнему, но, увы, сам ничего не умеет



Японская актриса Киоко Цуда и представитель «Совэкспортфильма» М. Султанов.

Фото А. Гусейнова

делать. Странствуя по дорогам Японии, Тора-сан меняет множество занятий, но везде приходится не ко двору. Единственное место, где его понимают и любят, — домик сестры в Токио. Только там, у семейного очага, он чувствует человеческое тепло, забывает на время свои невзгоды. В сущности, «Незабудки Тора-сан» воспевают то же, что и «Родина» — любовь к родному дому, честный труд в поте лица, маленькие житейские радости.

Фильмы о Тора-сан — наглядное воплощение популярной в японских семьях среднего достатка формулы «май-хомусюги» (что примерно соответствует известному выражению «мой дом — моя крепость»).

Киноведы считают, что японское кино в наши дни стоит на распутье. С одной стороны, его подстерегает трясина «эро», «порно» и «секси» фильмов, с другой — набившие оскомину самурайские

боевики. И вот талантливые режиссеры в поисках выхода обращаются к узконациональным темам, особенности которых обрекают их на замкнутый круг зрителей. Именно в таком ключе сделан фильм Тонтиро Нарусима «Незабываемое», встреченный очень сдержанно не только в Ташкенте, но и на советско-японском кинематографическом симпозиуме, состоявшемся в Москве перед началом фестиваля. Откровенная сентиментальность весьма примитивного сюжета сводит фильм до уровня страшноватой мелодрамы. Вряд ли оправданием режиссеру и автору сценария может служить отсутствие опыта, так как Нарусима в течение многих лет работал ассистентом у прославленных мастеров кино.

Весьма показателен также фильм «А что такое любовь?», обнаруживающий тяготение массового японского кино к развлекательным и в то же время сентиментальным сюжетам. Единственным достоинством наивной картины о любви двух служащих фирмы по производству игрушек является участие симпатичных молодых актеров. Даже сами члены японской делегации смущенно улыбались и разводили руками, когда речь заходила об этом фильме: мол, что делать — надо порадовать зрителя сценами красивой жизни. А ведь такого рода фильмы японские кинокомпании производят десятками.

Два ветерана японской кинематографии: Сацуо Ямамото и Тада-си Имаи представили на фестиваль интересные работы, совершенно разные по творческой манере, но в то же время близкие по своей социальной значимости. Грандиозная многосерийная киноэпопея Сацуо Ямамото «Война и человек» еще далека от завершения. Третья серия фильма, показанная на фестивале, длится три часа двадцать минут и охватывает в основном период 1938—1939 годов. «Наша молодежь мало что знает о минувшей войне, — говорит Ямамото. Его морщинистое лицо печально и строго. — Я хочу, чтобы мой фильм показал войну без прикрас, без парадных мундиров и грома фанфар. Война — это жестокость, мучения, кровь. Война калечит людей физически и наносит непоправимый моральный ущерб. У нас в стране и сейчас некоторые представляют себе войну как увлекательный фейерверк. Я не могу с этим мириться. Мы должны бороться за умы молодежи, чтобы избежать новой катастрофы».

К этому же призывает Тада-си Имаи в фильме «Кобаяси Такидзи». Впервые на японском экра-